

НА ПРИЗЫВЪ СЕРДЦА.

(Быль изъ времянь Японской войны).

(Продолженіе ¹⁾).

Выйдя изъ канцеляріи, Татьяна Михайловна еще разъ внимательно перечитала данную ей справку.

— А вѣдь это и дѣйствительно своего рода Бутунда, какъ говорилъ старикъ чиновникъ, безнадежно подумала она и ей стало вдругъ какъ то особенно страшно и тоскливо. Уходила послѣдняя надежда найти мужа...

— Господи, что жъ это такое! въ отчаяніи мысленно воскликнула она. Неужели такъ-таки ни у кого нельзя ничего узнать?

Она недоумѣвающимъ взглядомъ обвела разстилавшуюся передъ нею площадь, какъ бы ища съ кѣмъ еще посовѣтоваться. Но совѣтоваться рѣшительно было не съ кѣмъ. Шли въ одиночку и кучками солдаты, сновали юркіе китайцы, спѣшили или безцѣльно фланировали господа офицеры, но Татьяна Михайловна знала впередъ, что ни къ кому изъ нихъ не стоило обращаться, никто не могъ дать ей нужной справки. Татьяна Михайловна готова была разрыдаться.... Вдругъ, она глазамъ своимъ не вѣрила, не вѣрила

¹⁾ См. № 5 и 6 «Воен. Сборн.»

своему счастью, прямо къ ней навстрѣчу, пересѣкая площадь, шель докторъ Сонцевъ, котораго она тоже давно потеряла изъ виду, хотѣла ему написать, но не знала гдѣ онъ. Не помня себя отъ радости, Татьяна Михайловна кинулась ему навстрѣчу.

— Петръ Петровичъ, воскликнула она, васъ мнѣ самъ Богъ посылаетъ, вы и вообразить не можете, какъ вы мнѣ необходимы!

— Татьяна Михайловна, васъ ли я вижу? въ свою очередь искренно обрадовался докторъ. Я о васъ справлялся, мнѣ кто-то сказалъ, будто вы давнымъ давно уѣхали въ Россію. Признаться, порадовался за васъ.... А вы вотъ гдѣ, въ самомъ Гунжулигѣ, похудѣли, поблѣднѣли, выглядите совсѣмъ больною. Что съ вами, дорогая, здоровы ли?

— Не знаю, докторъ, искренно не знаю: видите хожу, на ногахъ, ѣмъ, сплю, но, здорова ли или больна, по совѣсти сказать не могу. Да и не въ этомъ дѣло... У меня большая, тяжелая забота. Вообразите себѣ, съ самага отступленія отъ Мукдена я потеряла Нику изъ виду и не могу никакъ узнать ни гдѣ онъ, ни что съ нимъ. Не знаю даже гдѣ стоитъ его полкъ, что прямо ужасно; я изстрадалась.... Приѣхала сюда, думала тутъ, въ главной квартирѣ, навѣрное знаютъ, а выходитъ, что и здѣсь никто не знаетъ. Была только что въ канцеляріи; тамъ чиновникъ одинъ сострилъ, совѣтовалъ телеграфировать японскому главнокомандующему Оямгѣ, говорить, будто онъ только одинъ и можетъ дать мнѣ точную справку.

— А что жъ, это уже не такъ парадоксально, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Недавно былъ случай, мнѣ рассказывали, два наши солдата вели плѣннаго японца въ штабъ-квартиру какого-то корпуса, какого не помню; дошли до перекрестка, заспорили. Одинъ говоритъ, надо вправо идти, а другой настаиваетъ—прямо; плѣнный японецъ слушалъ, слушалъ ихъ споръ, наконецъ надоѣло ему стоять на одномъ мѣстѣ, догадался о чемъ споръ, ухмыльнулся, взялъ за рукавъ солдата и показываетъ ему рукой—туда, моля, идите. Пошли. Японецъ дорогу показывалъ и какъ разъ прямо къ штабу корпуса вывелъ.

— Что же, это возможно, во всякомъ случаѣ si non e vere ben «соврато», какъ говорить нашъ докторъ Егоръ Егоровичъ. Къ сожалѣнію, у насъ, какъ видите, далеко не такая освѣдомленность. Вотъ дали мнѣ сейчасъ справку въ канцеляріи (она передала листокъ Петру Петровичу), только, признаться, не внушающую довѣрія.

— Дѣйствительно, это чепуха какая то, сказалъ докторъ, внимательно прочитавъ справку; перво на-перво, N-й стрѣлковый полкъ не въ составѣ XIV-го корпуса, да и быть тамъ не можетъ; а второе,—я что-то такихъ селеній не слыхалъ, ни Са-у-денфай, ни Таудзентай, ни Таудценпу, да и названія то совсѣмъ не китайскія.... Очевидно переверано.... писать пишутъ.... иной разъ и похожаго ничего нѣтъ.... Ну, да вы того, не тужите, сестрица, и не кисните. Я вамъ это дѣльце оборудую. Здѣсь у меня есть одинъ чловѣчекъ, интендантскій чиновникъ, выжига высшей марки, все знаетъ, всѣхъ и каждаго, а если чего самъ не знаетъ, мигомъ самую точную и вѣрную справку наведетъ. Пойдемте къ нему; онъ сейчасъ въ складѣ, тутъ недалеко, всего какихъ нибудь сажень 50, не больше.

Подходя къ интендантскому складу, угрюмо стоявшему въ сторонѣ отъ прочихъ зданій поселка, точно брезгливо избѣгая ихъ общества, Петръ Петровичъ и Татьяна Михайловна увидѣли странную картину. Интендантскій чиновникъ, въ позѣ кошки, готовой ежесекундно прыгнуть на зазѣвавшуюся мышъ, осторожно притаился за угломъ обширнаго казарменнаго типа дома, у стѣнки котораго сидѣли два солдата и о чемъ то пріятельски разговаривали.

Вдругъ интендантскій чиновникъ торопливо рванулся впередъ и пѣтухомъ налетѣлъ на солдатъ.

— А! Вы такъ то, мерзавцы! кричалъ онъ. Бунтовать, офицеровъ убивать! Вотъ я васъ, каналій, сейчасъ отправлю къ коменданту.

Солдаты, маленькіе, тщедушные, невзрачные, до смерти перетрусившіе, стояли, держа трясущіеся пальцы у козырька. Они пытались что то объяснить, доложить, но чиновникъ ничего не хотѣлъ слушать, жестикулировалъ, хваталъ ихъ за шиворотъ, порывался куда то и къ кому то ихъ тащить.

— Что у васъ тутъ случилось? спросилъ Петръ Петровичъ, подходя къ чиновнику.

— А вотъ извольте полюбоваться, что они тутъ, разбойники, клятвопреступники, рассказываютъ... Вышелъ я за какимъ то дѣломъ изъ склада, слышу голоса солдатскіе, двое разговариваютъ.... Сталъ прислушиваться.... За послѣднее время между солдатами такая политическая агитація идетъ, только держись.... Я теперь, какъ гдѣ услышу солдатскій говоръ, сейчасъ ушки на макушкѣ, слушаю.... И многіе теперь такъ дѣлаютъ....

Нельзя-съ иначе, ненадежные элементы въ арміи появились.... мутать.... Долго ли до бѣды, до общаго бунта...

— Ну, хорошо. Вы хотѣли про этихъ солдатъ что-то рассказать? остановилъ чиновника Петръ Петровичъ.

— Ахъ, да, вотъ именно.... что бишь я говорилъ? Ахъ да, вотъ именно, эти самые молодчики, сталъ я прислушиваться, и чтобы вы думали? вотъ эта самая бородатая харя.... учить другого офицеровъ своихъ убивать. Ты, гритъ, паря, коли въ бой когда попадешь, первымъ долгомъ на офицера смотри; увидишь, который впередъ лѣзетъ и солдатъ дюже подбодряетъ, чтобы, значить, шли смѣлѣе, ты тогда въ него и стрѣльни.... Коли убьешь, тогда, значить, всему дѣлу заминка.... безъ офицера солдатъ плохо идетъ.... Я разъ такъ и сдѣлалъ, вижу офицеръ одинъ дюже впередъ лѣзетъ, саблей махаетъ, солдатъ понукаетъ, чтобы значить смѣлѣй шли впередъ.... Я тогда изловчился, прицѣлился, хлопъ и на мѣстѣ.... Офицеръ упалъ, вся рота встала.... Что, каналья, не говорилъ ты этого? Разбойникъ, офицера убилъ, думаешь тебя за это помилютъ!... Разстрѣляютъ, голубчикъ, разстрѣляютъ....

Солдатъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ, таращилъ глаза и отъ волненія даже жиденькая бородавка тряслась на его худощавомъ изнуренномъ лицѣ. Петру Петровичу его стало нестерпимо жалко.

— Пойдите, не горячитесь, остановилъ онъ чиновника и, обратясь къ трепещущимъ солдатамъ, заговорилъ спокойнымъ, внушающимъ довѣріе, голосомъ.

— Когда же это было?

— Что? заикаясь отъ страха, спросилъ солдатъ.

— Да вотъ, когда ты офицера то застрѣлилъ?

— А это, ваше благородіе, когда мы еще на Шахѣ стояли. Японцы тогда дюже на насъ лѣзли.... Нашъ командиръ ротный, Царство ему Небесное, подъ Мукденою убить, какъ разсыпалъ цѣпь, такъ тутъ же и приказалъ, чтобы мы, значить, какъ японецъ полѣзетъ на насъ, на «уру», горячки бы не тачали, загодя не стрѣляли, а выжидали его поближе, а какъ подойдетъ, чтобы тогда залпами его принимать.... А потомъ еще говорить: «смотри, братцы, въ оба, офицеровъ ихъ доглядай, который чуть высунется, не давай зѣвка, стрѣляй по немъ.... Коли кто при мнѣ офицера убьетъ—десятку не пожалѣю.... И вѣрно, не пожалѣлъ; я тогда какъ скovyрнулъ офицера, ротный близко стоялъ: «Молодчина, кричить, Забайкинъ—это, ваше высокоблагородіе, значить, меня Забайкинымъ звать—молодчина, Забайкинъ, если живъ останусь, вечеромъ при-

ходи, десятку получишь». И вѣрно что даль; вечеромъ вспомнилъ, самъ позвалъ, вынулъ десятку: получай, Забайкинъ, на, за то, что ловко япошкина ахфицера свалилъ. Я спервоначала было и брать не хотѣлъ, все же, какъ быдто совѣстно, за убивство чело-вѣка деньги брать; ёнь хотя и нехристь, а всетаки душа и въ емъ есть; но ротный разсердился: дуракъ, говорить, кака я макаки душа можетъ быть. Бери деньги, коли даютъ. Ну я и взялъ. Только мнѣ долго все сумнительно было, хорошо ли за деньги чело-вѣческую жизнь лишать.

— Такъ это ты тамъ за угломъ про японскихъ офицеровъ го-ворилъ, что ихъ убивать слѣдуетъ? воскликнулъ интендантскій чи-новникъ.

— А то про какихъ же? недоумѣло вытаращилъ глаза Забайкинъ.

Петръ Петровичъ расхохотался. Татьяна Михайловна улыба-лась. Чиновникъ стоялъ сконфуженный.

— А ну васъ ко всеѣмъ дьяволамъ, обормоты! По-русски гово-рить не умѣютъ, ворчалъ онъ; не поймешь что бормочать.

— А вы не подслушивайте, а то, можете и не въ такую исто-рiю влопаться, смѣялся Петръ Петровичъ.

— Не подслушивать, легко сказать, ворчалъ интендантъ. Когда кругомъ агитаторы... прокламаціи подбрасываютъ, студенты подъ видомъ санитаровъ въ окопахъ солдатъ бунтуютъ, совѣтуютъ ружья бросать и съ позицій уходить.... Вы бы послушали, что рассказы-ваютъ, ужаснулись бы.

— А я вамъ совѣтую, наоборотъ, не слушайте что рассказы-ваютъ, тогда и ужасаться не надо будетъ.... Ну, да не въ этомъ дѣло, мы къ вамъ нарочно пришли: у насъ до васъ просьба есть. Не знаете ли вы гдѣ стоитъ N-й стрѣлковый полкъ?... Необходимо узнать: тамъ мужъ «сестрицы» служить.

— N-й стрѣлковый полкъ? Пойдемте въ канцелярiю склада, я пороюсь въ своихъ замѣткахъ, должно найду.... Помнится, туда въ этотъ самый полкъ отъ насъ еще недавно что то посылали.... Пой-демте, поищемъ, Богъ дастъ и найдемъ.

— Ну вотъ и узнали, весело говорилъ Петръ Петровичъ, вы-ходя изъ склада. Я вамъ недаромъ говорилъ, чело-вѣчекъ золото, хоть и ловить революцію по угламъ, но на счетъ всякихъ спра-вокъ—незамѣнимъ. Энциклопедическій словарь на двухъ ногахъ.... Теперь мы, знаете, сдѣлаемъ такъ: пойдемте обѣдать, тутъ есть такое Эльдорадо, кабакъ не кабакъ, а хуже того; но давно извѣ-

стно à la guerre comme à la guerre; а послѣ объѣда я берусь достать двуколку и мы отправимся: я берусь лично доставить васъ до мѣста, въ любящія объятія вашего супруга.

— Какъ, докторъ, и вы поѣдете?

— А то какъ же иначе? Не могу я допустить васъ одну скитаться по здѣшнимъ труппамъ....

— Докторъ, какой вы милый! воскликнула Татьяна Михайловна, крѣпко пожимая ему руку. Я не благодарю васъ, не нахожу словъ....

— Ну, полноте, сконфуженно перебилъ ее Сонцевъ; то, что я дѣлаю, всякій сдѣлалъ бы, особенно для такой очаровательной женщины, какъ вы.

— Ахъ, докторъ, съ дружескимъ упрекомъ покачала головою Татьяна Михайловна, даже вы не избавлены отъ порока говорить комплименты.

Эльдорадо, какъ говорилъ докторъ, или просто-на-просто трактиръ «Москва», для пущей важности именуемый рестораномъ, представлялъ изъ себя довольно помѣстительный деревянный баракъ, третью часть котораго занималъ богато снабженный всевозможными напитками буфетъ. Остальное пространство барака изображало большую залу безъ всякихъ украшеній, уставленную столиками и простыми стульями. На маленькомъ дворѣ, для любителей свѣжаго воздуха, подъ тощими, еще голыми деревцами, было разставлено нѣсколько столиковъ.

Заль былъ переполненъ. Сонцеву съ трудомъ удалось раздобыть отдѣльный столикъ и пару стульевъ. Усѣвшись рядомъ съ докторомъ, Татьяна Михайловна съ робкимъ любопытствомъ оглянула залъ. За исключеніемъ 2—3 пиджаковъ, ютившихся отдѣльной группой, поближе къ выходнымъ дверямъ, вся публика сплошь состояла изъ военныхъ, между которыми мелькали сюртуки интендантовъ и докторовъ. Яркимъ пятномъ на общемъ темномъ фонѣ выдѣлялось нѣсколько съ ногъ сшибательныхъ шляпъ и пестрыхъ костюмовъ интернаціональныхъ кокотокъ. Сверкая бриліантами, подведенными глазами, подрумяненные, съ неестественно красными губами, онѣ громко и вызывающе хохотали, чокались бокалами и говорили на какомъ то особомъ англо-французско-русскомъ воляпюкѣ. Сидѣвшіе съ ними офицеры держали себя болѣе другихъ развязно, побѣдоносно поглядывая вокругъ.... Чувствовалось, что тутъ деньги тратятся сотнями и подчасъ не малыми....

Какъ яркій контрастъ, въ самомъ отдаленномъ углу, скромно ютилась группа изъ трехъ сестеръ и доктора. Очевидно, они прѣехали въ главную квартиру по какимъ-нибудь дѣламъ и пришли сюда, загнанные необходимою утолить голодь. Они видимо спѣшили, ѣли молча, опустивъ глаза въ тарелки, стараясь ни на кого не обращать вниманія.

Сонцевъ съ Татьяной Михайловной заняли отдѣльный столикъ и заказали обѣдъ.

— А что бы сказалъ вашъ Ника, поддразнивалъ Измайскую Петръ Петровичъ, если бы случайно вошелъ въ это эльдорадо и увидѣлъ свою супругу, кутящую съ не старымъ еще кавалеромъ, пусть даже докторомъ?

— Ничего бы не сказалъ, отщучивалась Татьяна Михайловна; онъ у меня не ревнивый.

— Воображаю.... А кстати, къ слову; ужъ если кутить, такъ кутить, давайте выпьемте какого-нибудь вина; шампанскаго, извините, не предлагаю, оно здѣсь стоитъ 70 рублей бутылка, его пьютъ только интенданты и начальники транспортовъ съ американскими красавицами.

— Чего ради вамъ пришло въ голову требовать вина?

— Во-первыхъ, на радостяхъ моей съ вами встрѣчи, а во-вторыхъ, мнѣ хочется пожелать вамъ, чтобы вы скорѣе выбрались изъ этой треанафемской Манчуріи и зажили спокойною жизнью, вдвоемъ съ мужемъ, въ какомъ-нибудь этакомъ провинціальномъ, поэтическомъ городкѣ, въ уютной квартиркѣ, съ свѣтлыми обоями, тюлевыми занавѣсками на окнахъ, красивымъ ковромъ на полу и малороссійскими скатертями на столахъ....

— Вы это что, докторъ, иронизируете?

— Боже меня сохрани! Вообразите, это идеаль моей жизни. Будучи еще студентомъ, я гостилъ у своего двоюроднаго брата, въ Полтавѣ, и съ тѣхъ поръ все мечтаю о такой жизни, какую онъ вель. У него былъ небольшой домикъ особнякъ, густой вишневый садикъ, уютная квартирка, идеальная чистота, порядокъ, хорошенькая молодая жена—теперь она, къ слову сказать, старуха—и канарейки подъ окнами.... Вы вотъ смѣтаетесь, а я всю жизнь промечталъ о такомъ счастьѣ....

— Кто же вамъ мѣшалъ жениться и купить канареекъ.

— Вы думаете это такъ просто? Нѣтъ, голубушка, это дѣло мудреное. Иначе я бы не былъ, какимъ вы меня видите, старымъ сорока-пятилѣтнимъ холостякомъ, бездомной собакой, постоянно мѣняющей свое логовище.... Да, видно, не судьба.

Татьяна Михайловна искоса посмотрѣла на доктора; лицо его было печально, на губахъ играла грустная улыбка, за темными стеклами очковъ было трудно уловить выраженіе глазъ, но чувствовалось, что въ нихъ затаенное отраженіе глубоко запрятанной, еще неразмыканной тоски.

— Если вы, докторъ, любя семейную жизнь, не женились, значитъ вы не любили?

— Это не всегда такъ бываетъ. Для устройства семейной жизни мало любить, надо быть и самому любимымъ.... Впрочемъ, встряхнулся онъ вдругъ и лицо его озарилось обычной добродушной улыбкой, все это чепуха. Суета суетъ, какъ изрекъ Соломонъ. Давайте говорить о чемъ нибудь-другомъ....

Въ эту минуту мимо ихъ стола проходилъ высокій стройный поручикъ. Бросивъ въ ихъ сторону разсѣянный взглядъ, онъ вдругъ остановился, на мгновеніе какъ бы колебался подойти или нѣтъ, пошелъ было дальше, но, сдѣлавъ 2—3 шага, круто повернулъ назадъ и съ рѣшительнымъ видомъ подошелъ къ ихъ столу. Вѣжливо поклонившись Измайской и доктору, онъ заговорилъ дружески и весело:

— Вы, докторъ, меня не узнали, а я васъ сразу узналъ: помните наше совмѣстное путешествіе по Манчжуріи въ воинскомъ поѣздѣ....

— Ахъ, Боже мой, ну конечно, обрадовался докторъ; теперь я васъ призналъ.... Но, признаться надо, вы адски измѣнились.... Тогда вы, простите меня, выглядѣли совсѣмъ, совсѣмъ юнымъ, а теперь смотрите какой сталъ, возмужалъ, окрѣпъ: видно побывали въ передрягахъ!

— Случалось.... Слегка раненъ былъ, подъ Сандепу.... Да, война не молодить.... Вотъ и Татьяна Михайловна, кажется я правильно васъ называю, не забылъ, тоже значительно измѣнилась.

— О, я стала совсѣмъ старуха.

— Ну, до старухи вамъ, пожалуй, далековато еще, усмѣхнулся поручикъ; но во всякомъ случаѣ вы не такая, какой были тогда, помните, на станціи Бухэду, когда васъ этотъ мерзавецъ такъ оскорбилъ....

— Не браните его, не надо! порывисто воскликнула Татьяна Михайловна. Его уже нѣтъ; онъ умеръ и умеръ страшною смертью.

Она рассказала послѣднюю свою встрѣчу съ рыжебородымъ капитаномъ на операціонномъ столѣ въ Мукденскомъ госпиталѣ.

— Царство ему Небесное, серьезнымъ тономъ произнесъ поручикъ. Конечно, теперь его бранить не приходится. Онъ искупилъ всѣ свои вины, но жалѣть его тоже нечего. По моему, судьба надъ нимъ сжалилась, пославъ ему смерть въ бою.... Вернись онъ съ войны живымъ, ему бы, пожалуй, пришлось такъ или иначе покинуть полкъ, а дальнѣйшій путь такихъ людей уже извѣстенъ: отъ кабака къ кабаку до больницы, а оттуда на кладбище.... Нѣтъ онъ хорошо сдѣлалъ, умеревъ во-время.... Впрочемъ, смерть на войнѣ дѣло обычное; съ мыслью о ней можно примириться, но вотъ съ чѣмъ не могу примириться, это съ мыслью попасть въ плѣнъ. Идя въ бой, я всегда больше всего боюсь попасть въ плѣнъ. Не боюсь ни смерти, ни быть изувѣченнымъ, а плѣна страшно боюсь....

— Ну, если кто очень не хочетъ попасть въ плѣнъ, тотъ и не попадетъ.... По крайней мѣрѣ, не такъ уже легко, какъ, къ сожалѣнiю, за послѣднее время, послѣ Портъ-Артура, начали сдаваться у насъ, съ безразличной усмѣшкой произнесъ Сонцевъ.

— Ой, докторъ, не говорите такъ, горячо заспорилъ поручикъ. Не думайте, будто въ плѣнъ попадаютъ только трусы.... Потому-то мнѣ и ужасна мысль о плѣнѣ, что всѣ думаютъ: «попалъ въ плѣнъ, значить, трусъ». Ничуть не бывало. Самый храбрѣйшій изъ храбрыхъ, бывають случаи, попадаетъ въ плѣнъ, не будучи даже раненымъ.... Да вотъ взять случай, недавно, всего два дня тому назадъ, въ нашемъ полку; у насъ завѣдующій охотничьей командой, герой, прямо герой, за Мукденъ къ Георгiевскому кресту представленъ, въ сколькихъ только развѣдкахъ не побывалъ, сколько разъ за японскую цѣпь лазилъ, словомъ лихой малый, а вотъ теперь въ плѣну. Пошелъ со своей охотничьей командой въ ночной поискъ и нарвался на японскую засаду.... Японцы его уже нѣсколько ночей караулили; донялъ онъ ужъ ихъ здорово своими ночными вылазками.... Окружили, ударили въ штыки.... Изъ двадцати человекъ команды четверо, какимъ-то чудомъ, вернулись, остальные перебиты, а Из....., поручикъ вдругъ дико взглянулъ на Татьяну Михайловну, точно сообразилъ что-то, и сразу пресѣкъ свой рассказъ на полъ-словъ, сконфузился и, чтобы скрыть свое смущенiе, торопливо налилъ себѣ въ стаканъ вина и сталъ медленно цѣдить его сквозь зубы.

Татьяна Михайловна, по привычкѣ своей всегда внимательно слушать своего собесѣдника, не проронила ни одного слова изъ рассказа поручика. Отъ ея наблюдательности не ускользнули его

внезапное смущеніе и растерянность. Въ первую минуту она нѣсколько удивилась, почему онъ такъ сразу, ни съ того ни съ сего, оборвалъ свою рѣчь, но затѣмъ какая-то неясная мысль, туманное предчувствіе, словно далекая зарница, озарила ея мозгъ. Не отдавая себѣ еще отчета, она чего то вдругъ испугалась, лицо ея поблѣднѣло.

— Вы какъ назвали этого офицера, про котораго разсказывали? обратилась она къ поручику и голосъ ея дрогнулъ. Тотъ еще больше смутился.

— Извините, я сейчасъ не помню, забормоталъ онъ, избѣгая глядѣть въ глаза Измайской.— Совсѣмъ не помню.... Я, знаете, недавно въ полку, переведенъ изъ 1-го Сибирскаго....

— А теперь вы въ N-мъ стрѣлковомъ?

— Да, въ N-мъ стрѣлковомъ.

Татьяна Михайловна невольнымъ движеніемъ схватилась за грудь. Лицо ея поблѣло до синевы; нечеловѣческимъ усиленіемъ воли она подавила въ себѣ готовый вырваться изъ горла вопль.

— Пойдемте отсюда скорѣе, задыхаясь шепнула она и стремительно двинулась къ двери.

— Что съ ней? изумился докторъ. Что случилось?

— Я, чортъ бы меня взялъ, проболтался, съ досадой, тихо, почти на ухо, поспѣшилъ отвѣтить поручикъ. Слышали я разсказывалъ о поручикѣ нашего полка, попавшемъ въ плѣнъ?...

— Ну? Ну такъ что-жъ изъ этого? Что ей до поручика за дѣло?

— А то, что этотъ поручикъ ея мужъ, Ника Измайскій... Бываетъ же такое затменіе; не сообразилъ сразу.... ляпнулъ!

Но докторъ уже больше не слушалъ. Бросивъ поручику бумажникъ на столъ и торопливо кинувъ ему: «ради Бога, пожалуйста, расплатитесь за меня», онъ бросился слѣдомъ за Татьяной Михайловной. Онъ видѣлъ, какъ она быстро вышла изъ ресторана за ворота, обогнула заборъ, повернула въ тянувшійся за нимъ глухой переулокъ, дошла до скамейки, сиротливо торчавшей передъ невзрачной лачугой, бессильно опустила на нее и закрыла лицо руками. Сонцевъ подбѣжалъ, сѣлъ рядомъ.

— Что съ вами, что васъ такъ встревожило?

— Ника въ плѣну, сквозь стиснутыя на лицѣ пальцы, произнесла Татьяна Михайловна. Голосъ ея былъ почти спокоенъ, но опытный чуткій слухъ врача уловилъ въ этомъ кажущемся спокойствіи нотку, заставившую всего его встрепенуться.

— Кто вамъ сказалъ? попробовалъ онъ было ее успокоить.

— Развѣ вы сами не слышали?... Да вотъ этотъ поручикъ... Что же теперъ дѣлать? Она отняла руки отъ лица и безпомощно развела ими. Умереть?

Она говорила тихо, тѣмъ же кажушимся спокойнымъ голосомъ, но лицо ея было страшно, словно гипсовая маска, застывшая съ выраженіемъ окаменѣлаго отчаянія.

— Татьяна Михайловна, голубушка, опомнитесь, не поддавайтесь отчаянію, торопливо, въ волненія, заговорилъ докторъ; вѣдь такъ и съ ума сойти не долго!... Встряхнитесь, плачьте, кричите: вамъ будетъ легче.

— Не могу, съ виноватой страшной улыбкой, тихо произнесла Измайская, не могу плакать... Я точно вдругъ вся замерзла... оледенѣла... чувствую, какъ меня всю придавило... Обрушилась... скала обрушилась... придавила... Духъ замеръ... хотѣла бы плакать, а вотъ не могу...

— Да и нечего, въ сущности говоря, особенно плакать, стараясь придать своему голосу тонъ разсудительнаго спокойствія, говорилъ Сонцевъ; если хорошенько разобраться, то тутъ нѣтъ никакого несчастья... Даже, напротивъ; подумайте сами, война еще Богъ вѣсть сколько можетъ продолжиться. Оставаясь въ полку, вашъ мужъ сколькимъ бы еще опасностямъ подвергся, сколько бы еще разъ ему грозила возможность быть убитымъ, изувѣченнымъ; А теперъ всѣмъ опасностямъ конецъ... Для него война кончилась, а съ нею и всѣ опасности. Теперъ его отвезутъ въ Японію, будутъ беречь, отлично содержать; японцы не дикари какіе-нибудь, а вполне цивилизованная нація, уважающая международные договоры. Вашему мужу будетъ отлично жить въ Японіи... А затѣмъ, когда война кончится, а вѣдь должна же она когда-нибудь кончиться? его возвратятъ въ числѣ другихъ военно-плѣнныхъ... Знаете, если поразсудить хорошенько, здраво, то надо даже радоваться... Хуже было бы, если бы его убили или оторвали ноги.

Татьяна Михайловна сидѣла, опустивъ голову; очевидно, она не слыхала ничего изъ того, что ей говорилъ докторъ.

— Ника въ плѣну, задумчиво, сама съ собой, какъ бы отвѣчая на свои мысли, повторяла Татьяна Михайловна, въ плѣну... Много я думала..., всячески представляла себѣ могущее обрушиться на меня несчастье... Видѣла его убитымъ, искалѣченнымъ, умирающимъ отъ тифа, но никогда, никогда, не приходило мнѣ въ голову, чтобы онъ, Ника, мой герой, храбрый и сильный, могъ быть захваченъ въ плѣнъ... обезоруженъ, униженъ...

— Неужели вы его осуждаете? изумился Петръ Петровичъ.

— Осуждаю?! Боже сохрани. Но я не могу себѣ представить его подъ конвоемъ грубыхъ, злорадно торжествующихъ враговъ, идущимъ пѣшкомъ, униженнаго, оскорбленнаго... Нѣтъ... нѣтъ... не могу, не могу.

Она закрыла глаза и, съ выраженіемъ мучительной боли въ лицѣ, потрясла головой.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ поручикъ и, торопливо сунувъ доктору его бумажникъ и клочекъ бумаги съ написаннымъ на немъ счетомъ, сѣлъ рядомъ съ Татьяной Михайловной.

— Расскажите, какъ все было? ледянымъ голосомъ, не допускающимъ возраженія, спросила она. Поручикъ покорно опустилъ голову.

— Всѣхъ подробностей я не знаю. Знаю только то, что уже рассказывалъ. Могу лишь съ достовѣрностью подтвердить; кромѣ спасшихся четырехъ стрѣлковъ, всѣ до одного переколоты штыками... Японцы, озлобившись, очевидно, не хотѣли брать плѣнныхъ.. Захватили только одного вашего мужа... Его они даже не ранили.

— Почему вы знаете?

— На другой день нашъ командиръ полка посылалъ къ японскимъ окопамъ унтеръ-офицера для переговоровъ; ему тамъ сообщили всѣ подробности ночного дѣла, о плѣнѣ вашего мужа и гибели стрѣлковъ.

— Во всякомъ случаѣ я ѣду въ полкъ, рѣшительно произнесла Татьяна Михайловна, послѣ нѣсколькихъ минутъ общаго тягостнаго молчанія. Мнѣ необходимо на мѣстѣ все разузнать, а тогда посмотрю, что дѣлать дальше.

Она говорила совершенно спокойно. Только лицо ея по-прежнему было мертвенно блѣдно, да слегка трепетали вѣки и поблѣвшія, пересохшія губы. По временамъ легкая дрожь пробѣгала по всему тѣлу и она невольно ежилась, нервнымъ движеніемъ вдавливая шею въ плечи.

Сонцевъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Кто могъ предполагать, думалъ онъ, чтобы въ этомъ ребенкѣ оказалось столько твердости характера и такая сила воли?.. Удивительныя существа—женщины. Безпомощны, какъ дѣти, могучи въ своемъ безсиліи, гениальны и наивны, опыты при полномъ незнаніи жизни, хрупки, какъ стекло, тверды, какъ сталь... Огромное, полубожественное цѣлое изъ милліона противорѣчій и человѣческихъ слабостей. Загадочный сфинксъ съ когтями льва

и лицомъ ангела. Кто ихъ пойметъ? Какой великій мыслитель сумѣетъ дать имъ полную и справедливую оцѣнку?

Луна, не блѣдная, грустно задумчивая подруга Сѣвера, а яркая красавица юга, торжествующая побѣдительница ночной мглы, затопляла каскадами фосфорическихъ лучей всю долину, серебра прямую, какъ стрѣла, твердую, какъ асфальтъ, широкую военную дорогу, только недавно проведенную напрямикъ черезъ китайскія поля и стертая съ лица земли селенія. Покачиваясь, рядомъ съ Измайской, на полурессорномъ, кожаномъ съ высокой спинкой, сидѣннѣ двухъ-колесной темно-зеленой «санитарки». Петръ Петровичъ задумчиво смотрѣлъ передъ собою. Ближе всего, почти у самого своего лица, онъ видѣлъ, трясущуюся и подпрыгивающую на облучкѣ двуколки, приземистую фигуру обознаго солдата, Нефедько, въ папахѣ на подобіе вороньяго гнѣзда и съ вытертою шинелью поверхъ рваного полушубка. Далѣе, облитая луннымъ сіяніемъ, блестѣла бѣлая спина коренастаго забайкальца, съ лохматой гривой и длиннымъ пушистымъ хвостомъ; сторожко, пошевеливая тупыми, мохнатыми ушами, хлопотливо сѣменилъ онъ толстыми, обросшими длинной шерстью, ногами, звонко выстукивая подковами о крѣпкій грунтъ дороги.

Впереди лошадиной морды, далеко, далеко, тянулась пустынная дорога, исчезая въ темно-голубой мглѣ горизонта, на фонѣ котораго неясными силуэтами уходили въ небо далекія сопки. Справа и слѣва, насколько хваталъ глазъ, въ волшебномъ сіяніи чутко дремали обнаженные поля. Кое-гдѣ, какъ привидѣнія, бѣлѣли покинутыя хозяевами полуразрушенныя фанзы.

Сидѣвшая рядомъ съ докторомъ Татьяна Михайловна хранила упорное молчаніе. По ея сдвинутымъ бровямъ, застывшему выраженію лица, по взгляду, какъ-бы устремленному вглубь самой себя, Петръ Петровичъ могъ судить о тяжелой, захватившей все ея существо, заботѣ. Не желая отрывать ее отъ ея думъ, докторъ молчалъ и вмѣстѣ съ нимъ молчала зачарованная долина, подъ лучами величественной луны, какъ бы охраняя тайну измученнаго сердца.

Торжественное молчаніе ночи нарушала только неуклюжая «санитарка», неистово грохотавшая всѣми своими распатанными частями.

— Докторъ, вдругъ, словно очнувшись, тихо спросила Татьяна Михайловна: какъ вы думаете, долго японцы держатъ своихъ плѣнныхъ при арміи или тотчасъ же отправляютъ ихъ въ Японію?

— Трудно на это отвѣтить. Отправка плѣнныхъ зависитъ, по моему мнѣнію, прежде всего отъ скопленія плѣнныхъ, количества свободныхъ поѣздовъ и отъ другихъ болѣе или менѣе уважительныхъ причинъ. Во всякомъ случаѣ, насколько я слышалъ, они всегда спѣшатъ отправкой плѣнныхъ въ глубь страны изъ опасенія, чтобы они не сдѣлали попытки къ бѣгству. Если вы это спрашиваете, думая о мужѣ, то не стройте никакихъ иллюзій; увѣряю васъ, мужъ вашъ давно отправленъ въ Иокогаму или другой какой городъ.

— Почему вы такъ думаете? А я, какъ разъ наоборотъ, чувствую сердцемъ—онъ недалеко, онъ еще здѣсь... Если бы я могла, чудомъ, перенестись въ японскій лагерь, я бы, навѣрное, увидалась съ нимъ.

— Какое дѣтское заблужденіе! воскликнулъ докторъ. Повторяю вамъ, японцы плѣннаго, да еще офицера, первымъ долгомъ поспѣшатъ отправить въ Японію. Увѣряю васъ.

Татьяна Михайловна упрямо потрясла головой.

— Нѣтъ, онъ здѣсь. Я чувствую, сердцемъ чувствую—онъ близко...

Увѣренность, звучащая въ словахъ молодой женщины, заставила доктора бросить быстрый тревожный взглядъ на ея блѣдное страдальческое лицо. Поймавъ на себѣ этотъ взглядъ, Татьяна Михайловна горько улыбнулась.

— Вы, докторъ, кажется, готовы принять меня за сумасшедшую. Не бойтесь—я пока еще въ здоровомъ умѣ, хотя, минутами, мнѣ бы хотѣлось сойти съ ума, умереть, исчезнуть, чтобы только не испытывать того, что я сейчасъ переживаю...

— Полноте, не убивайтесь. Я готовъ снова повторить то же, что уже разъ говорилъ вамъ: особеннаго несчастья я въ плѣненіи вашего мужа не вижу... Плѣнъ сохранить его отъ опасности и ваша встрѣча теперь дѣло болѣе или менѣе близкаго будущаго... Только возьмите себя въ руки, не предавайтесь отчаянію, отъ котораго можетъ пострадать ваше здоровье... У нѣмцевъ есть пословица, я ее часто твержу самому себѣ въ тяжелыя минуты жизни: *Mut verlogen—alles verlogen!* Великая, великая истина.

Измайская промолчала и во всю дорогу до самаго мѣста они не проронили ни слова.

Багровая полоса едва-едва окаймила горизонтъ, когда притомившійся забайкалецъ подкатилъ «санитарку» къ фанзѣ, въ селеніи Суньятунъ, занятой штабомъ N-го стрѣлковаго полка. Полкъ на-

ходился на передовыхъ позиціяхъ, въ окопахъ. Въ селеніи оставались штабъ полка съ канцеляріею, обозомъ, лазаретомъ; все это подъ прикрытіемъ дежурной роты.

Въ этотъ ранній часъ селеніе казалось вымершимъ. Нигдѣ не виднѣлось ни одной живой души. Полная тишина царила на широкой улицѣ, съ подслѣповато глядящими на нее бумажными окнами фанзы.

— Ну, вы, барынька, меня немного подождите, а я пойду раздобывать «языка», сказалъ докторъ, тяжело выпрыгивая изъ «санитарки». Тутъ, какъ я вижу, заправское «сонное царство».

Говоря такъ, Петръ Петровичъ исчезъ въ воротахъ двора фанзы. За стѣной забора сначала раздавался озлобленный трусливый лай собаки, затѣмъ чей-то сонный голосъ окликнулъ: «кто идетъ?»

— Свой, отвѣтилъ голосъ доктора и продолжалъ: послушай землякъ, есть у васъ тутъ какое начальство, хотя бы маленькое пока?

— Дежурный въ фанзѣ сплять... Извольте пройтись... Цыцъ, ты окаанная, вотъ я тебя.

Собака взвизгнула, очевидно, получивъ ударъ за свое усердіе; тяжело прошуршали шаги и на нѣсколько минутъ все затихло.

Но вотъ стукнула дверь фанзы и изъ нея вышелъ докторъ, а за нимъ слѣдомъ высокій заспанный офицеръ, одѣтый въ теплую шведскую замшевую куртку, при револьверѣ и шашкѣ.

— Какъ я и предполагалъ, всѣ спятъ, объявилъ Петръ Петровичъ; но все же я раздобылъ вамъ, Татьяна Михайловна, сего юнаго Марса, котораго увлекъ обѣщаніемъ показать самую очаровательнѣйшую изъ женщинъ, когда-либо существовавшую подъ знаменіемъ Краснаго креста. Онъ не только можетъ сообщить вамъ всѣ интересующія васъ подробности, но обѣщалъ дать временный пріютъ и даже угостить стаканомъ горячаго чая съ ромомъ, что для насъ съ вами, послѣ ночного холода и сырости, болѣе чѣмъ необходимо. Утромъ, когда командиръ полка проснется, онъ о насъ доложить, а теперь идемъ скорѣе подъ гостепріимный кровъ его собственной, имъ однимъ занимаемой, фанзочки.

Молодой офицеръ, немного конфузясь за свой костюмъ и заспанный видъ, торопливо пожалъ руку Татьянѣ Михайловнѣ, помогъ ей выбраться изъ «санитарки» и пригласилъ слѣдовать за собою. Онъ жилъ недалеко въ крошечной, въ одну комнату, фанзочкѣ, очень уютно оборудованной. Полъ, стѣны, потолокъ были обшиты соломенными матами, на канѣ стояла походная кровать-вьюкъ Гинтера, посреди возвышался столъ, подлѣ него 2—3 пле-

теньхъ изъ соломы стула; что-то на подобіе тахты, застланной ковромъ съ двумя подушками, дополняло убранство. Съ потолка спускалась висячая желѣзная лампа, а окно было завѣшено кумачевой занавѣсочкой. Посреди фанзы стояла желѣзная печь, еще совсѣмъ горячая, отчего въ фанзѣ было достаточно тепло. Не прошло и 10 минутъ, какъ уже на столѣ появился бурно кипящій небольшой походный самоварчикъ, похожій скорѣе на кофейникъ. Заспанный всклокоченный денщикъ подаль въ жестяной коробкѣ печенье—прославившіяся на войнѣ галетки «Каритен» и въ банкѣ консервированное сухое молоко, въ видѣ небольшихъ плиточекъ, распускаемыхъ, для полученія молока, въ кипяченой водѣ. Бу-тылка рома вѣнчала незатѣйливое угощеніе.

Докторъ, озябшій за ночь, пилъ чай съ наслажденіемъ, «по-московски», съ блюдечка, въ прикуску. Татьяна Михайловна, занятая разговоромъ молодого офицера, вся обращенная въ слухъ, машинально, маленькими глотками, отпивала изъ стакана горячую мутноватую жидкость. Впрочемъ, новаго она мало что узнала. Офицеръ сообщилъ въ общихъ чертахъ уже слышанное ею въ Гунчжунинѣ: японцы устроили засаду такъ искусно, что русскіе замѣтили ихъ только тогда, когда были окружены со всѣхъ сторонъ и начали одинъ за другимъ падать подъ ударами штыковъ. Нападеніе японцевъ было такъ неожиданно и стремительно, силы по сравненію съ нашими настолько несоразмѣрны, что надо было только удивляться тому, какъ удалось нѣсколькимъ человѣкамъ благополучно вырваться изъ этой жестокой западни.

— Но вы знаете навѣрно—мужъ мой живъ? допытывалась Татьяна Михайловна, не заколотъ вмѣстѣ съ прочими?

— Увѣряю васъ живъ и не раненъ даже.. Его сразу же схватило сзади нѣсколько человѣкъ японцевъ, обезоружили и вытащили изъ свалки невредимымъ. Мы это узнали на другой день отъ самихъ же японцевъ. Командиръ полка посылалъ переговорщикомъ одного унтеръ-офицера, узнать о судьбѣ команды. Японцы очень любезно сообщили, что солдаты перебиты всѣ до единого, а офицеръ взять въ плѣнъ совершенно невредимымъ... Да вотъ, стойте, я вамъ позову сюда этого самого унтеръ-офицера, который ходилъ къ японцамъ, разспросите его сами.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ Татьяной Михайловной стоялъ коренастый рыжебородый унтеръ-офицеръ, сибирякъ, съ характернымъ худощавымъ лицомъ, легкой горбинкой на плотномъ, большомъ носу и большими, сѣровато-голубыми, пронизательными

глазами. Вся его мощная энергичная фигура, съ широкой выпуклой грудью, сильно развитыми мышцами, говорила о глухихъ сибирскихъ тайгахъ и привольной, полной опасности, жизни звѣролова. По его открытому, смѣлому и спокойному взгляду можно было безошибочно заключить, что человѣкъ этотъ не станетъ зря чесать языкомъ и каждому его слову можно вѣрить безъ всякаго опасенія.

— Подошли этта мы, вдвоемъ съ Игнатомъ Твердыхъ, подробно и обстоятельно докладываль унтеръ-офицеръ, почитай что къ самымъ ихъ траншеямъ, я все флажкомъ, что мнѣ ихъ высокоблагородіе командиръ полка дали, помахваю, только вдругъ слышимъ, кто-то кричитъ намъ по-русски: «стойте, дальше не ходите, а то стрѣлять будемъ».

Ну, разумѣется, мы остановились, ждемъ.

Малость погода, выходитъ изъ окоповъ быдто бы офицеръ ихній, чисто такъ одѣтый, а съ нимъ еще двое солдатъ съ ружьями и штыки примкнуты, а мы съ Твердыхъ, какъ есть безъ всякаго вооруженія, у меня въ рукахъ палка съ флажкомъ, а у Твердыхъ и того нѣтъ. Переглянулись мы съ товарищемъ и у обоихъ насъ, какъ потомъ мы другъ отъ друга дознались, одна думка въ головѣ объявилась. Ежели что такое, съ ихъ стороны какое неучтивство послѣдуетъ, вырвать у нихъ ихъ ружья изъ рукъ, да ихними же штыками и прикончить, а тамъ на утекъ, что Богъ дастъ. Ну, однако, ничего этого, слава Богу, не понадобилось. Японцы подошли къ намъ тихо, по хорошему. Офицеръ впереди. Мы ему честь отдали, онъ по своему отвѣтилъ намъ и спрашиваетъ по-русски: «Зачѣмъ пришли, что, дескать, вамъ отъ насъ надо?»

Подивились мы съ Твердыхъ на японца. Чисто такъ по-русски балакаетъ, почитай и не угадаешь, такъ только чуть картавить и рѣчь мало-мало тянетъ, не сразу слова выговариваетъ; должно быть допрежь того, какъ вымолвить, обмозговываетъ кажинное слово, чтобы, значить, не ошибиться.

Такъ и такъ, моль, ваше высокородіе, докладываю я ему, самъ руку у папахи держу «подъ козырекъ», какъ слѣдуетъ, насъ нашъ командиръ полка прислалъ узнать, какъ вы нашу команду въ сію ночь искоренили, остался ли кто въ живыхъ, въ плѣнъ попалъ который, а пуще всего любопытно, что съ начальникомъ стало, живъ аль убитъ?»

— Офицеръ вашъ живъ, отвѣчаетъ мнѣ японецъ, и даже не раненъ. Передай твоему командиру полка, что солдаты всѣ убиты, всѣ

до одинаго, и сегодня мы ихъ хоронимъ... Не хотѣли живыми сдаваться... Тигры, настоящіе тигры, и мы ихъ хотя и должны были убить, а все же уважаемъ за ихъ геройскую храбрость... Такъ и передай.

— Слушаюсь, говорю, доложу... Извѣстное дѣло, наши сибирскіе люди живыми въ руки не даются, не куры съ насѣсти. А дозвольте полюбопытствовать, много ли вашихъ уложено... тоже, чай, съ десяточекъ будетъ?

Усмѣхнулся японскій офицеръ себѣ въ бородку.

— Нашихъ ни одного нѣтъ, ни убитаго, ни раненаго.

— Счастье ваше, отвѣчаю я; должно ваши угоднички Богу милѣе, ежели такъ хорошо вамъ dospѣли: нашихъ 15 человекъ полегло, а вашихъ ни одного; чудное дѣло, а еще того чуднѣе, что вотъ тѣ изъ нашихъ, которые назадъ вернулись, человекъ съ пятокъ будетъ, рассказываютъ, быдто и вашихъ порядкомъ полегло... Они и винтовки намъ свои показывали: штыки погнуты, приклады поколоты и все въ крови; выходить, стало быть, наши хвастали только.

По лицу сибиряка, при передачѣ своего разговора съ японцемъ, промелькнула едва уловимая саркастическая улыбка, сверкнула въ зрачкахъ глазъ и затерялась въ густыхъ рыжеватыхъ усахъ.

— Посмотрѣлъ мнѣ японецъ въ глаза, помолчалъ и говорить: «да, ты правъ, вы сибиряки молодцы, съ вами и воевать весело».

— «Рады стараться, ваше высокоблагородіе», отвѣчаю, стараемся заслужить на добромъ словѣ, когда ежели Богъ доведетъ гдѣ встрѣтятся. Вы вотъ нашихъ покололи и уважать за это ихъ изволите, мы то же къ вашимъ большое уваженіе питаемъ въ долгу не останемся, будьте безъ сумлѣнія.

Засмѣялся офицеръ и махнулъ намъ рукой, идите, молъ, по добру по здорову; мы и пошли, а они намъ долго велѣдъ глядѣли.

— А какъ вы думаете, робко спросила Татьяна Михайловна, не обманулъ японскій офицеръ?

— Это вы насчетъ чего же?

— Да вотъ, что Ника... то бишь, офицеръ вашъ, мужъ мой, не убить и не ранень.

— Съ чего же бы ему, сестрица, врать? Онъ вѣдь, чай, видитъ, дѣло казенное, не здря пришли, командиръ прислалъ, значить интересуется. Скажемъ такъ, если бы они къ намъ прислали, мы бы нѣшто не сказали? Чего имъ таиться. Не худое что сдѣлали, а

по присягѣ, какъ имъ законъ ихъ велить. Кабы, сказать къ примѣру, оборони Богъ, ихъ благородіе, вашъ супругъ, были, дѣйствительно, убиты, японцы не только бы сказали, а и тѣло бы выдали; а ежели бы успѣли похоронить сами, то всѣ собственныя вещи—крестикъ, часы, кольцо, какія на немъ были, всѣ бы намъ отдали. Такіе случаи уже бывали. Шашку, револьверъ, бинокль, записную книжку, лошадь, сѣдло не отдадутъ, военная добыча называется, а собственныя вещи вернуть... Вы, сестрица, не извольте сумѣваться, вашъ супругъ живъ и здоровъ; какъ японецъ сказывалъ, такъ оно и быть должно... Не въ первой, никогда въ такихъ случаяхъ обмана не бывало.

— Вотъ, видите! сказалъ Петръ Петровичъ, когда унтеръ-офицеръ ушелъ, а за нимъ вышелъ на минуту и офицеръ. Я вамъ правильно говорилъ, нечего особенно беспокоиться...

— Вы такъ думаете? загадочно посмотрѣвъ въ лицо доктору, сказала Татьяна Михайловна. А я такъ страшно беспокоюсь... Докторъ, вы не знаете Нику. Если бы его взяли раненымъ, было бы лучше. Да, не удивляйтесь моимъ словамъ, лучше; конечно не смертельно раненымъ, а хотя бы даже тяжело раненымъ... Вы не догадываетесь почему? А потому, докторъ, что Ника этого позора не переживетъ, позора быть взятымъ въ плѣнъ почти безъ сопротивленія... Онъ убьетъ себя, если уже не убитъ... О если бы я была подлѣ него, только я одна могла бы его разговорить, утѣшить, примирить его съ его несчастіемъ, примирить съ совѣстью... Докторъ, милый, вы не можете представить себѣ что онъ переживаетъ сейчасъ, съ его гордостью, съ его рыцарскими понятіями о чести. О, если бы я могла быть подлѣ него, раздѣлить съ нимъ позоръ его плѣна!...

— Если онъ васъ любить искренно, онъ этого не сдѣлаетъ, не долженъ сдѣлать! горячо воскликнулъ Сонцевъ. Онъ вѣдь знаетъ, какъ вы его любите. Съ его стороны было бы безумной жестокостью принести васъ, свою любовь, все свое и ваше счастье въ жертву дикому предразсудку...

— Можетъ быть, но вы не знаете Нику. Если тамъ, въ Японіи, кто-нибудь изъ нашихъ плѣнныхъ попрекнетъ его, посмѣется надъ нимъ, усомнится въ его доблести, онъ убьетъ и обидчика и себя... Да, что я говорю, онъ и до Японіи не дойдетъ: онъ убьетъ себя, какъ только представится случай... Только я одна, мое присутствие подлѣ него можетъ спасти, удержать его. А какъ это сдѣлать? Какъ сдѣлать? Докторъ, милый, научите меня!...

— Что сдѣлать, дорогая Татьяна Михайловна, въ чемъ научить васъ?

— Научите, какъ мнѣ попасть въ Японію, какъ дать ему знать, что я приѣду къ нему.

— Но это же невысказано! Подумайте, развѣ во время войны это выполнимо? Васъ не пустятъ въ Японію, а если бы и пустили, то какъ вы узнаете въ какомъ городѣ содержитсяъ въ плѣну вашъ мужъ? Но если бы вы даже и узнали, то уже къ плѣннымъ васъ ни за что не допустили бы... Японцы слишкомъ осторожны и недоувѣрчивы... Послушайте моего совѣта: вы на половину англичанка; ваши родственники, какъ вы говорили, служили въ посольствѣ; навѣрное у васъ есть связи, а если и нѣтъ, то могутъ быть; поѣзжайте, не теряя времени, въ Петербургъ и черезъ англійское консульство въ Японію войдите въ частую, обширную переписку съ мужемъ; ваши письма поддержать его, увѣряю васъ, ослабятъ приступы отчаянія, повліяютъ на его психику... Только пишите какъ можно чаще и больше... Если англійское посольство въ Петербургѣ согласится вамъ въ этомъ дѣлѣ помочь, а почему бы ему и не согласиться, — ваши письма будутъ доставляться аккуратнѣйшимъ образомъ. Англичане теперь, какъ союзники Японіи, пользуются тамъ огромнымъ значеніемъ; ихъ желаніе—законъ, просьба—силнѣе всякихъ приказаній... Вы только не теряйте времени и скорѣе спѣшите въ Петербургъ, послушайтесь моего совѣта; это самое разумное, что можно сдѣлать при существующихъ обстоятельствахъ...

Полковникъ Пронинъ не былъ настоящимъ командиромъ N-го стрѣлковаго полка, а только временно, какъ старшій баталіонный, замѣнялъ болѣвшаго въ Харбинѣ командира; онъ былъ старъ, собирался выйти въ отставку, но война задержала его. Худошавый, сутуловатый, добродушный старикъ, съ сѣдою, коротко остриженою, головою и длинными малороссійскими усами на бритомъ лицѣ, онъ не производилъ впечатлѣнія чловѣка воинственнаго, но офицеры говорили про него, что въ бою онъ отличался удивительнымъ хладнокровіемъ, не суетился, не лѣзъ впередъ безъ нужды, не выкрикивалъ громкихъ фразъ, но всей своей фигурой такъ определенно показывалъ свое полное равнодушіе къ смерти, что невольно заражалъ храбростью всѣхъ бывшихъ около него.

Офицеры сложили про Пронина прибаутку: «Пронинъ больше всего боится жены, меньше—начальство, еще меньше—японцевъ, а смерти совсѣмъ не боится».

Узнавъ о прїѣздѣ Измайской, онъ пошелъ къ ней въ фанзу познакомиться. Нику старикъ любилъ за его отвагу, искренно жалѣлъ о его плѣнѣ и отъ души сочувствовалъ горю Татьяны Михайловны. Какъ умѣлъ, онъ старался развлечь ее. Замѣтивъ, что она сильно интересуется расположеніемъ японскихъ позицій, Пронинъ, снабдивъ ее биноклемъ, повелъ показывать японскіе окопы. Съ небольшого возвышенія за селеніемъ, въ хорошій бинокль, можно было не столько разглядѣть, сколько угадать, полосу японскихъ редутовъ.

— Видите эту дорогу, пояснялъ старикъ; если ѣхать по ней прямо, сначала вонъ до той отдѣльной сопки съ кумирней, а затѣмъ повернуть круто влѣво, то прямо можно выѣхать къ японскому лагерю. Отъ кумирни, съ вершины сопки, въ бинокль его довольно хорошо видно, хотя онъ и загороженъ рядомъ высокихъ холмовъ.

— А далеко это отсюда? полюбопытствовала Татьяна Михайловна.

— Не особенно. До кумирни версты 3, да отъ кумирни не больше 5; всего версть 8, много много 9.

— А гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ мужъ? Голосъ Измайской дрогнулъ.

— Отсюда не видно. Видите вонъ ту фанзочку, лѣвѣе ея чуть-чуть замѣтно бугорки земли тянутся; это наши окопы. Отъ нихъ, если идти прямо, начинается спускъ въ долину; по ней рѣчка течетъ, за рѣчкой рошица; вотъ въ этой рошицѣ японцы и устроили засаду. Наши зѣвка дали, не рассчитывали, что «онъ» такъ близко подойдетъ къ нашимъ окопамъ; никогда рошу японцы не занимали; это была наша, такъ сказать; операціонная база. Обыкновенно, доходили до роши безъ особыхъ предосторожностей, устраивались тамъ и уже оттуда дѣлали вылазки и поиски... Конечно, это опрометчиво; на войнѣ осторожность—первое дѣло. Изъ дома вышелъ—жди врага, но это теорія, а на практикѣ, въ концѣ концовъ, невольно привыкаешь къ врагу и дѣлаешься неосмотрительнымъ.

Послѣ прогулки, Пронинъ пригласилъ Измайскую и доктора къ своему обѣду. Обѣдали большой компаніей въ обширной фанзѣ, занимаемой командующимъ полкомъ.

— Когда же мы ѣдемъ назадъ, въ Гунчжулинъ? спросилъ Петръ Петровичъ сидѣвшую подлѣ него Татьяну Михайловну; если поѣдемъ сразу послѣ обѣда, къ вечеру вернемся, а завтра вы можете

сѣсть въ поѣздъ и ѣхать въ Петербургъ. Я вамъ берусь устроить всѣ формальности за два часа времени.

— Спасибо, докторъ, но я очень устала; я бы сегодня хотѣла отдохнуть, выспаться, а завтра утромъ пораньше мы поѣдемъ.

Сонцевъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянулъ на свою спутницу.

— Я вамъ предложилъ сейчасъ ѣхать, думалъ вы торопитесь. А для меня даже лучше остаться до утра: въ здѣшнемъ лазаретѣ старшимъ врачомъ мой университетскій товарищъ, я охотно пойду къ нему посидѣть вечеръ, тамъ и переночую. Пойдемте вмѣстѣ, я васъ устрою въ лазаретѣ съ сестрами.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ докторъ, я не хочу... Мнѣ тяжело на людяхъ. Придется разговаривать, слушать, какъ говорятъ другіе: для меня это пытка. Мнѣ хочется быть одной и думать, думать...

— Все это прекрасно, но гдѣ же вы переночуете?

— Тотъ офицеръ, что съ нами утромъ познакомился, предложилъ мнѣ остаться въ своей фанзѣ: у него такъ уютно, тихо. Онъ самъ уйдетъ къ товарищу... Онъ очень милый, такой чуткій, деликатный, понялъ, должно быть, какъ мнѣ хочется быть одной и предложилъ свою квартиру. Вы только, докторъ, прикажите Нефедько то же остановиться тамъ же на дворѣ; все же свой человѣкъ...

— Ага, ищите уединенія, а сами немножко трусите. Ну ладно, будь по вашему; дѣйствительно, вы, пожалуй, правы: вамъ лучше остаться одной. Только не позволяйте мрачнымъ мыслямъ черезчуръ одолѣвать васъ. Повѣрьте—все образуется и будетъ по хорошему. Вы только послушайте меня; поѣзжайте, не теряя времени, въ Петербургъ и постарайтесь поскорѣе войти въ переписку съ мужемъ. Это и его поддержитъ и васъ.

— Спасибо, докторъ, дорогой, спасибо! крѣпко пожала ему руку Татьяна Михайловна. Вашъ совѣтъ отъ сердца и я рѣшила ему послѣдовать. Въ моемъ положеніи дѣйствительно это лучший и единственный исходъ.

С. П.

(Окончаніе слѣдуетъ).

